

енного по плану, который, может быть, и увенчается успехом в монастырском уединении, но совершенно невыполним среди соблазнов, окружающих молодого человека из общества. Надо сказать, что Толстой рассказывает о неудачах, постигших молодых людей, по обыкновению, с полной искренностью.

«Утро помещика» также произвело в свое время странное впечатление. В повести рассказывается о неудачных филантропических попытках помещика, который пытается сделать своих крепостных богаче и счастливее, не задумываясь, однако, над тем, что первым шагом в этом направлении должно быть освобождение крепостных. В те годы освобождения крестьян и восторженных надежд подобная повесть явилась анахронизмом, тем более что во время ее появления читающей публике не было известно, что это — лишь страничка из ранней автобиографии Толстого, относящаяся к 1847 году, когда он, оставив университет, поселился в Ясной Поляне и когда очень немногие думали об освобождении крестьян. Это был один из тех очерков, о которых Брандес так справедливо заметил, что в них Толстой «думает вслух» о какой-нибудь странице собственной жизни. Вследствие вышеуказанных причин повесть произвела какое-то неопределенное впечатление. И все же в ней нельзя было не любоваться тем же великим объективным талантом, который проявился уже с такой силой в «Детстве» и «Севастопольских рассказах». Рассказывая о крестьянах, с большим подозрением относившихся к благодеяниям, которыми собирался осыпать их помещик, было бы легко и вполне естественно для образованного человека объяснить невежеством крестьян и нежелание принять веялку (которая, кстати сказать, не работала) или отказ одного крестьянина принять в виде подарка каменный дом (находящийся вдалеке от деревни)... Но в повести Толстого нет и тени подобного оправдания помещика, и мыслящий читатель может только похвалить здравый смысл крестьян.

Вслед за тем появился рассказ «Люцерн». В нем мы узнаем, как тот же Нехлюдов, глубоко огорченный бессердечием группы английских туристов, которые сидели на балконе богатого швейцарского отеля и отказались бросить несколько копеек бедному уличному певцу, к песням которого они прислушивались с видимым удовольствием, — приводит этого певца в отель, приглашает его в обеденное залo, к великому скандалу посетителей-англичан, и угощает его там шампанским. Чувства Нехлюдова вполне справедливы, но, читая повесть, страдаешь за бедного музыканта и испытываешь чувство негодования против русского дворянина, который пользуется музыкантом в качестве розги для наказания туристов, — совершенно не замечая при этом, как страдает бедный музыкант во время этого наглядного урока морали. Хуже всего, что сам автор, по-видимому, не замечает фальши, сквозящей в поведении Нехлюдова, и не хочет понять, что действительно добрый человек на месте Нехлюдова пригласил бы музыканта в какой-нибудь маленький кабачок и там поговорил бы с ним по душам за бутылкой простого вина. И все же громадный талант Толстого блесит и в этой повести. Он с такой честностью, так правдиво описывает неловкость певца во время всей сцены, что читатель невольно приходит к заключению, что, если молодой аристократ и прав, протестуя против сердечной огрубелости туристов, его поведение в данном случае вызывает так же мало симпатий, как и поведение самодовольных англичан в отеле. Художественная мощь Толстого попирает его собственные теории.

То же замечание относится и к другим произведениям Толстого. Его оценка того или другого действия его героев может быть ложной; исповедываемая им «философия» может вызывать возражения; но сила его описательного таланта и его литературная честность настолько велики, что чувства и действия его героев часто говорят вопреки намерениям их творца и доказывают нечто совершенно противоположное тому, что он хотел доказать¹¹.

Вероятно, вследствие этого Тургенев и, по всей видимости, другие литературные друзья Толстого говорили ему: «Не впутывай ты своей «философии» в искусство. Доверяйся своему художественному чутью, и ты создашь великие произведения». Действительно, несмотря на недоверие Толстого к науке, я должен сказать, что он обладает наиболее научным взглядом на вещи, какой мне приходилось встречать среди художников. Он может ошибаться в заключениях, но он всегда безошибочен в изложении данных. Истинную науку и истинное искусство нельзя противопоставлять друг другу: они всегда находятся в согласии.

¹¹ Это заметило большинство русских критиков. Говоря о «Войне и мире», Писарев (Сочинения, том VI, стр. 420) уже заметил, что созданные Толстым образы живут независимо от намерений автора; они вступают в прямые сношения с читателями, говорят сами за себя и неизбежно приводят читателя к таким мыслям и взглядам, каких автор никогда не имел в виду и с которыми, по всей вероятности, не согласился бы.